
О ПРОЕКТЕ А. А. НАРТОВА ПО ПЕРЕВОДУ КЛАССИЧЕСКИХ АВТОРОВ В РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

А. А. Костин

29 марта 1802 г. И. И. Лепехин выступил в собрании Российской Академии со следующей речью: «Ежели мы сравним последнее академии положение, когда она лишена была всех пособий, нужных к ее содержанию, с нынешним ее состоянием; то необиновенно утверждать можно, что она вновь возрождена, восстановлена, подкреплена и ободрена высокомонаршими щедротами и покровительством. Но кому наипаче Академия обязана за все излинные на Академию от Высокомонаршаго престола милости, как не его превосходительству достойному нашему президенту Андрею Андреевичу Нартову!» После этого С. Я. Румовский предложил отблагодарить Нартова за его труды большой золотой медалью Академии.

Непосредственным поводом к такому ликованию послужило сообщение Нартова о том, что Академии в счет тех средств из Кабинета Его Императорского Величества, которые не выплачивались в царствование Павла I (5 лет по 6 250 руб., т. е. более 30 000 руб.), выделено 25 000 руб. на постройку нового каменного дома, а также о расширении средств Академии на 3 000 рублей, выдаваемых ежегодно из Кабинета Его Императорского Величества на издание, во-первых, ежемесячных сочинений, а также «переводов классических как греческих, латинских, так французских и немецких писателей, каковы суть: Омир, Фукидит, Демосфен, Тацит, Цицерон, Вергилий и проч. и на воздаяние за труды сочинителей, занимающихся переложением помянутых классических писателей»¹.

---

¹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 5, л. 59 об.–61. Далее ссылки на рукописные протоколы Российской академии даются в тексте статьи с указанием номера дела из первой описи и листа.

Это решение для Российской академии было достаточно знаменательным. Вплоть до конца марта 1802 г. переводческая деятельность никогда не значилась в числе признанных предметов занятий Академии. Передача в 1783 г. Российской академии средств, до того отпускавшихся Комиссии для перевода книг иностранных, не накладывала на Академию никаких обязательств по переводу². Сделанное в 1796 г. П. П. Бакуниным предложение «чтобы [Российской Академии] искусным в российском слове и в занятии языков чужеземных предлагать, из награждения, иностранные общепользные книги для преложения на язык российский»³, не нашло отклика в Академии: никаких мнений о том, какие книги следует перевести, от академиков так и не поступило (А. А. Ржевский, П. А. Соймонов и Г. Р. Державин, соглашаясь, что начинание это полезное, книг для перевода так и не предложили⁴).

В плане деятельности Академии, объявленном Нартовым в 1801 году, переводческая деятельность также не значится. Впервые подобный вопрос встал 31 августа 1801 г., когда не числившийся членом Академии П. И. фон Берг, благодаря Академии за рассмотрение его сочинений, сообщал, «что весьма б было для него приятно, ежели бы угодно было Академии препоручить ему какой-нибудь полезный с французского или немецкого языка перевод, на который мог бы он определить остающееся ему от должности его праздное время». По этому поводу было принято решение: «подумать, нет ли такой книги, которой бы перевод мог быть полезен обществу и доставить честь Академии» (№ 4, л. 129 об.).

Вплоть до марта 1802 года, т. е. полгода, тема перевода как вида деятельности Академии не появляется больше в протоколах ее заседаний. Можно было бы подумать, что она была забыта, но 29 марта она всплывает неожиданным образом вполне оформленной в сообщении о выделении

---

² См.: *Сухомлинов М. И.* История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 1. С. 8, 354–355. Мнение Е. Р. Дашковой о том, как должна быть организована деятельность по переводу иностранных книг после перевода средств Комиссии в счет Российской Академии, свидетельствует, что обязательства по переводу предлагалось перенести, скорее, на Академию наук: «Я сказала Екатерине, что <...> деньги <...> будут взяты из тех пяти тысяч рублей, которые она из своей собственной шкатулки ежегодно отпускала на перевод книг классических писателей <...> Переводы пойдут своим порядком. Я думаю, даже, лучше, чем прежде, с помощью студентов академии наук и под надзором и редакцией профессоров» (*Дашкова Е. Р.* Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990. С. 211).

³ *Сухомлинов М. И.* История... СПб., 1885. Вып. 7. С. 7; СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 208.

⁴ ФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1796), №№ 3, 4; оп. 3 (1797), № 1. Последнее письмо (Г. Р. Державина) опубликовано М. И. Сухомлиновым (*История... т. 7, с. 7*).

Императором средств на перевод классических авторов. Неизвестно, сыграла ли в мысли Нартова о такой деятельности Академии свою роль просьба фон Берга; с уверенностью можно говорить только, что она была достаточно неожиданна для большинства членов Академии. Возможно, она была подсказана Нартову С. Я. Румовским, который на заседании 5 апреля, когда академиком было предложено подумать, кто из них за какой перевод классического автора возьмется, сразу согласился на предложение президента перевести «Летопись» Тацита⁵ (этот автор присутствует в очень ограниченном – всего 6 лиц – списке классических авторов, представленном Нартовым императору; напомним – два автора эпических поэм, Гомер и Вергилий; два оратора – Демосфен и Цицерон; два историка – Фукидид и Тацит). Только больше месяца спустя, 17 мая, поступило предложение от Василия Данкова – перевести «нравственные сочинения философа Сенеки», а от Д. М. Соколова – «Фарсалию» Лукана (№ 5, л. 127). Еще почти месяц спустя, 7 июня, И.С. Рижский сообщил, что «принял на себя преложить на язык российской двенадцать отборных цicerоновых речей» (№ 5, л. 155). 21 июня сам Нартов предложил Академии приобрести французский перевод «Истории» Геродота, с тем чтобы «по сличению и пересмотрении с сим французским переводом, многими замечаниями снабженным, прежнего своего российского перевода Геродотовой истории⁶, <...> пожертвовать оным в пользу Академии» (№ 5, л. 170). Тогда же им была представлена принятая собранием Академии своеобразная внутренняя инструкция, «Начертание о переводе классических писателей», начинавшееся словами: «О переводах Академии решить должно, какие именно древние и новейшие знаменитейших классиков книги переведены быть должны, кроме уже тех, которые по усердию своему некоторые господа члены переводить предпочли». Несмотря на то, что здесь упоминаются «новейшие книги», больше в «Начертании» упоминаний современной литературы не встречается. В 5-ом пункте говорится, что «Если <...> паче чаяния никто из членов не примет на себя перевода какой-либо книги, преложение которыя однако же весьма нужно и полезно для словесности, например Фукидид (подчеркнуто в оригинале – А. К.), Демосфен и проч., тогда Академия препоручает перевод таковой книги кому-либо из посторонних, коего искусство и знание в обоих языках ей известно»⁷.

⁵ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1875. Вып. 2. С. 105.

⁶ Речь идет об издании: *Геродот. Повествования Иродота Аликанасскаго* / Перевел Андрей Нартов. СПб., 1763–1764. 2 т.

⁷ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний С. 212; ориг. – ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 5, л. 172.

Таким было начало работы Российской академии по переводу классических авторов, во многом характеризующей ее деятельность в период президентства А. А. Нартова. Если судить по этому началу и по ряду других мер, предпринятых Академией в сфере перевода в первые годы XIX века, можно было бы ожидать, что работа эта принесет блестящие плоды. Так, помимо упомянутых пяти сочинений, изначально планировавшихся Российской академией к переводу, в последующие два года Академией и ее членами было предложено еще несколько переводов классических авторов. Еще в 1802 г. предполагалось перевести «Историю» Тита Ливия, о чем можно заключить по объявлению о подписке на «Ежемесячные сочинения» Академии, напечатанному отдельным листом в качестве «Прибавления» к «Санкт-Петербургским ведомостям» на 14 ноября 1802 г.: «Академия тщится в непродолжительном времени предоставить любителям изящных письмен некоторые из древних и новейших классических писателей на отечественный наш язык чистым слогом и исправно переведенные сочинения, над коими Г<оспо>да члены Академии уже и трудятся и кои суть: 1.) Творения Тацита; 2.) Фарсальская брань Лукана; 3.) Нравственные сочинения Сенеки; 4.) Отборные речи Цицерона; 5.) Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции г. Бартеlemi; 6.) Тита Ливия и проч.»⁸. 6 июня 1803 г. П. И. Голенищев-Кутузов прислал в Академию свой перевод двух од Пиндара и предложил осуществить перевод всех од греческого поэта (№ 6, л. 105 об.–106). 15 марта 1804 г., прислав в Академию издание первого тома этого перевода, Голенищев-Кутузов сообщил о желании представить Академии свою работу по переводу Гесиода и Феокрита: «Гезиод уже кончен весь сполна, переписывается набело, и как скоро готов будет, то посвящен будет Академии и отдан мною в ея волю. Из тридцати Феокритовых Идиллий переведено уже двадцать»⁹. За этим обращением Голенищева-Кутузова последовало еще несколько подобных предложений. 19 марта А. С. Хвостов предложил «перевести вновь с латинского языка на российский Теренциевы комедии с тем, чтобы перевод сей издан был от имени Российской Академии» (№ 8, л. 70). 16 июля А. А. Нартов предложил кому-нибудь из членов Академии перевести «все стихотворения Клавдияна, яко знаменитаго классического писателя»,

---

⁸ Прибавление к Санктпетербургским ведомостям. 1802, № 91 (14 ноября). С. [2]. Следует отметить, что в протоколах заседаний Академии сведения об этом переводе отсутствуют, хотя Тит Ливий и значился в списке образцовых классических писателей, представленном Нартовым императору.

⁹ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 8, л. 80. К письму прилагались начало перевода первой книги «Трудов и дней» Гесиода (л. 81–81 об.) и перевод двух идиллий Феокрита: «Дамет и Дафнис» (л. 81 об.–83) и «Верная любовь» (л. 83–84).

на что согласился П. Ю. Львов¹⁰. Наконец, 30 июля П. И. Соколов выступил на собрании Академии с чтением начала своего перевода «Метаморфоз» Овидия, после чего было решено «поелику Овидиевы превращения почитаются в числе лучших классических книг <...> перевод сей напечатать вместе с латинским подлинником, семь сот экземпляров» (№ 8, л. 172 об.).

Как видим, переводческая программа Академии предполагалась достаточно обширной. Следует отметить также, что, помимо предпринимавшихся переводов, Академия активно пополняла свою библиотеку изданиями, которые могли бы служить источниками и многих других переводов. За 1802–1804 гг. были приобретены латинские, греческие, а преимущественно – французские издания таких авторов (помимо уже названных), как Плиний, Тит Ливий¹¹, Проперций, Тибулл, Гораций¹², Лукреций, Анакреонт, Эзоп, Федр¹³, Лукиан, Вергилий, Катулл, Демосфен, Эсхин¹⁴.

---

¹⁰ ПФА РАН, ф. 8, оп. 1, № 8, л. 161 об. Согласиться на перевод Львова сподвиг, по видимому, энтузиазм, связанный со вступлением в Академию: заседание 16 июля началось с его речи, связанной с принятием в члены Академии. 15 октября, однако, он от этого перевода отказался, сославшись на то, что «он по непредвиденным обстоятельствам <...> занят многими по должности своей делами» (там же, л. 261 об.). На следующем заседании один из присутствовавших (а именно: А. А. Нартов, Т. С. Мальгин, Д. М. Соколов, П. И. Соколов, Ириной арх. Псковский, Мефодий арх. Тверской, А. С. Никольский) «изъявил свое желание перевести для Российской Академии стихотворения Клавдиановы с латинского на российской язык прозою с таким, однако же, условием, что при переводе сей книги он будет исключать все те статьи и места, в которых латинский стихотворец не строго наблюдал надлежащую благопристойность, и чтобы имя его было сокрыто» (там же, л. 263 об. Замечание об исключении «неблагопристойных» мест заставляет предположить, что этот переводчик – одно из двух присутствовавших на заседании духовных лиц).

¹¹ 23 августа 1802 г. решено приобрести, среди прочих книг: «3.) Plinii epistolae 12o. 4 рубл.; 5) Titus Livius, 12 vol.: in 8o 24 рубл.; 6) Tite Live traduit en français 25 рубл.» (№ 4, л. 233 об.).

¹² 15 ноября 1802 г. «Г. Президент предложил Собранию для покупки следующие классические книги 1.) Проперциевы элегии на французском и латинском языках в двух томах, двадцать рублей. 2.) Полное собрание сочинений Клавдиана в двух томах, восемь рублей. 3.) Элегии Тибулловы на Латинском языке с французским переводом в трех томах, пятнадцать рублей. 4.) Горациевы сатиры на латинском и французском языке, четыре рубля» (№ 4, л. 308).

¹³ 17 января 1803 г. «Собранием определено: предложенныя Г. Президентом Академии следующие классические книги: 1.) Lucrece 2 vol.: одиннадцать рублей. 2.) Odes d'Anacreon, двадцать три рубля. 3.) Les trois fabulistes, восемь рублей, сорок копеек (имеется в виду издание: Les Trois Fabulistes, Ésope, Phèdre et La Fontaine par Chamfort et Gail. Paris, 1796. – А. К.). 4.) Discours de Licurgue, три рубля пятьдесят копеек (имеется в виду издание: Discours de Lycurgue, d'Andocide, d'Isée, de Dinarque ... traduits ... par M. l'abbé Auger. Paris, 1783. – А. К.) <...> купить для употребления Российской Академии» (№ 6, л. 18 об.).

¹⁴ 2 апреля 1804 г. было решено заплатить «за купленные для книгохранилища ИМПЕРАТОРСКОЙ Российской Академии книги: Metamorphoses d'Ovide 4 vol. тридцать

Между тем, из всех этих предполагавшихся переводов осуществлено было только два – «Летописи» Тацита¹⁵ и «Превращения» Овидия¹⁶. «Творения» Пиндара и Гесиода¹⁷, переведенные П. И. Голенищевым-Кутузовым, были опубликованы им за собственный счет. И хотя в предисловии к первому из них указывалось даже, что перевод является частью переводческой программы Российской академии, говорить о них как о трудах Академии было бы натяжкой (так, ни один из этих переводов не стал предметом рассмотрения переводческого комитета Академии, а отдельное издание «Идиллий» Феокрита, представленное им Академии, и вовсе не было осуществлено, поскольку Академия настаивала на том, что перевод должен быть рассмотрен комитетом, на что переводчик, по-видимому, не согласился¹⁸). Наоборот, наиболее видными плодами переводческой рабо-

---

рублей – *Mythologie de Lucien* десять рублей (имеется в виду издание: *Mythologie Dramatique. Traduite du Grec de Lucien, Par J.-B. Gail. Paris, 1794–1795. – А. К.*) – *Oeuvres de Virgile* 4 volum. двадцать четыре рубля – *Lettres de Ciceron* 4 vol. в переплете восемь рублей – *Academiques de Ciceron* 2 vol. в переплете три рубля пятьдесят копеек – *Oeuvres de Claudien* 2 vol. шесть рублей – *Poesis de Catulle* 2 vol. семь рублей пятьдесят копеек <...> *Demosthenes et Aeschinis Orega* пятнадцать рублей – *Reyheri theatrum Latino-Germanico-Graecum* двенадцать рублей» (№ 8, л. 90).

¹⁵ *Тацит*. Летопись К. Корнелия Тацита / Переведена с лат. Императорской Российской Академии членом Степаном Румовским и оною Академиею издана. СПб., 1806–1809. 4 т.

¹⁶ *Овидий*. Превращения / Переведенные с латинского Императорской Российской Академии членом Петром Соколовым и оною Академиею изданные. СПб., 1808. Ч. 1.

¹⁷ *Пиндар*. Творения Пиндара / Переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым... М., 1804. Ч. 1–2; *Гесиод*. Творения Гезиода, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807.

¹⁸ В заседании 29 сент. 1804 г. читалось письмо П. И. Голенищева-Кутузова, предоставившего второй том Пиндара и рукопись перевода Феокрита с целью издать его как труд Академии, ставя при этом ряд условий, в т. ч. – «3е. Чтобы ему дан был от Академии диплом, в коем бы были обозначены труды его в пользу российской словесности понесенные и изъяснено бы было как о издании его сочинений, так и Пиндара и Феокрита. – 4е. Чтобы ему дана была медаль <...> чтобы она была ему знаком отличнаго Академии члена. – 5. Чтобы Академия сделав от себя Государю Императору приношение его перевода объяснила, что он переводчик сего издания и просила бы Государя, чтобы обратил высочайшее свое внимание на него, яко на человека отлично в пользу российской словесности подвизавшагося и переводом двух классических авторов сделавшаго то, чего ни один россиянин никогда не сделал». Собрание согласилось рассмотреть возможность такого издания, но со следующими оговорками: «Академия перевод Феокрита примет от Его Пр<евосходительст>ва с удовольствием и, по рассмотрении онаго в общих своих собраниях или в особенном комитете, от чего никакое сочинение и никакой перевод в Академию поступающий не изымается, приложит попечение о исправном его издании <...> Императорская Российс<кая> Академия ни в какие условия входить обязанности не имеет, полагая, что каждый ея член по усердию и званию своему обязан жертвовать ей своими трудами до Словесности касающимися, которые как скоро Академия общим согласием находит воздаяния достойными, увенчивает приличною почестию от

ты Российской академии стали переводы трудов, созданных европейскими авторами конца XVIII века – Ж.-Ж. Бартеlemi и Ж.-Ф. Лагарпом (оба перевода, впрочем, имеют непосредственное отношение к классической древности). Такое несоответствие задуманной обширной программы перевода классических авторов незначительным результатам ее выполнения было обусловлено, несомненно, определенными причинами, и именно их рассмотрению и посвящена настоящая статья.

* * *

Основной причиной неудачи этого начинания, по всей вероятности, стало то, что работа Российской академии по переводу была для ее инициатора, А. А. Нартова, лишь административным предприятием, способствующим обоснованию пользы Академии для государства перед лицом императора и, как следствие, получению для нее дополнительного содержания. Чтобы обосновать это мнение, следует взглянуть, в первую очередь, на то, что представляла собой Академия в момент прихода в нее Нартова и какие меры предпринимались в целом новым президентом для организации ее работы.

В начало царствования Александра I Российская академия вошла в весьма плачевном состоянии. В период президентства П. П. Бакунина (1794–1798) была почти полностью истрачена капитальная сумма, составлявшая основной источник дохода Академии; Павлом I было отказано Академии в производившейся до того ежегодной выплате 6 250 рублей из императорского кабинета; таким образом, Академия была почти полностью лишена средств. В 1798 году Бакунин был отстранен от руководства Академией, но новый директор так и не был назначен; заседания проходили 1–2 раза в месяц при очень незначительном числе членов; в 1800-ом – начале 1801-го Академия занималась, в основном, подготовкой переиздания своего «Словаря» и рассмотрением «Грамматики» П. И. и Д. М. Соколовых.

С приходом к власти Александра I члены Академии начали предпринимать попытки вернуть себе не получавшиеся при Павле I средства и по-

---

высокомонарших щедрот назначенною <...> Впрочем, ежели мнение Академии с желаниями Его Пр<евосходительст>ва не согласно, то оно предоставляет ему на волю, сообщить перевод сей в Академию, или напечатать оный своим иждивением» (№ 8, л. 247–247 об.). Рукопись перевода была передана в Академию Л. И. Голенищевым-Кутузовым 14 янв. 1805 г. (№ 10, л. 15 об.–16), но никаких дальнейших упоминаний его рассмотрения обнаружить не удалось.

лучить достойного председателя; наконец, 29 мая 1801 года президентом был назначен А. А. Нартов. Что послужило причиной для такого назначения, неизвестно. Членом Академии Нартов не был. Активная собственно литературная деятельность его пришлась на 1750–1760-е годы, но уже с середины 1780-х печатные его работы связаны исключительно с деятельностью по управлению Берг-коллегией и Вольным экономическим обществом¹⁹. Думается, именно последнее обстоятельство сыграло в назначении решающую роль.

Нартов назначался президентом Российской академии не как филолог или писатель. Важно было, что как президент Вольного экономического общества он показал несомненные успехи: Общество активно работало, издавало свои труды, собирало библиотеку и представляло собой общественно значимую организацию, во многом определявшую пути сельскохозяйственных опытов в России. Подобный опыт виделся, по-видимому, Александру I важным для последующего руководства Российской академией, и именно так повел себя новый президент.

В царствование Павла Академия была лишена высочайшей императорской поддержки и в деятельности своей, по сути, перестала пользоваться риторикой полезности для Империи – именно возвращением этой риторики в первую очередь озаботился Нартов с первых дней своего президентства. На первом же внеочередном заседании Академии после назначения им были предложены следующие предметы занятий Академии: «а) Задать к сочинению похвальное слово Екатерине Второй <...>; б) Пригласить <...> упражняющихся в российском стихотворении к сочинению оды на день коронавания <...> Александра Первого; в) Поручить искусному члену Академии собирать высочайшие указы и учреждения <...> Александра Первого для составления <...> Истории достойной толь милосердаго Монарха; г) Задавать к сочинению похвальные слова особам, знаменитыми подвигами своими бессмертную славу снискавшим <...>; д) Издавать сочинения <...> к чему все упражняющиеся в сочинении на российском языке приглашены быть должны чрез Ведомости»²⁰. Как видно, Нартов старался сделать Академию, во всяком случае внешне, центром русской литературы, представляя ее местом, сосредотачивающим в себе усилия по созданию в литературе положительного образа молодого императора. Нартова нисколько не смущало, по-видимому, то, что некоторые из предложенных пунктов выглядели малоосуществимыми. Так, очень скоро в Академии поняли, что

¹⁹ Лепехин М. П. Нартов Андрей Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1998. Т. 2. С. 321–326.

²⁰ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 209–210.

предложение о составлении истории царствования Александра I по собранным высочайшим указам, на что живо согласился Д. И. Хвостов, вряд ли возможно. Уже в конце июня 1801 г. Нартов и архиепископ ярославский Павел сообщили, что «они, входя в подробное [рассмотрение – А. К.] сего академии предприятия, находят нужным оное совсем отменить, первое потому, что из одних указов составить полной истории не можно, второе, что издание истории при жизни той особы, деяния которой должны составлять предмет оныя, было бы противно обыкновения» (№ 4, л. 71–71 об.). Сам проект мог быть неосуществим; но важно было, чтобы он звучал достаточно эффектно и показывал пользу Академии для нового царствования²¹.

Подобные меры должны были наладить потерянный при Павле контакт между Академией и императором и, как следствие, обеспечить Академию достойным содержанием. Для достижения этих целей на том же первом внеочередном собрании по предложению Нартова членами Академии были избраны председатель Комитета финансов А. И. Васильев и приближенный к императору Д. П. Трошинский, через которого впоследствии Нартов подавал Александру I труды Академии и представления о ее финансировании.

Вообще, внешней стороне деятельности Академии Нартов придавал невероятно большое значение, всячески стараясь подчеркнуть, что слово «Императорская» в названии Российской академии – не случайно. 6 июля 1801 г. он передал в Академию императорский указ о своем назначении президентом с тем, чтобы в Академии, по примеру ВЭО, был создан «ковчег достойный для хранения как сего высочайшего рескрипта, так и других именных указов, каковыми Его Императорскому Величеству удостоивать почтение сея Академии благоугодно будет» (№ 4, л. 79 об.–80; уже 28 сентября 1801 г. Нартов сообщил в Академию копию рескрипта от 15 сентября о пожаловании ему ордена Анны I класса (там же, л. 157–157 об.)). Новый президент внимательно следил за оформлением зала заседаний в начавшем строиться при нем новом каменном здании Академии: первыми заказанными И.-Б. Лампи (младшему) портретами были портреты Екатерины II (копия с портрета И.-Б. Лампи-отца) и оригинальный портрет Александра I,

---

²¹ Следует отметить, что подобное издание в первые годы правления Александра I все же было предпринято воспитателем великих княжон А. П. Шторхом (1766–1835) в его журнале «Россия при Александре I» (Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift. SPb.; Leipzig, 1803–1808. Bd. 1–9; о творчестве А. П. Шторха см.: *Ананьева А. В.* Культура России в научной и художественной прозе Андрея Карловича Шторха (1766–1835) // XVIII век. СПб., 2008. Вып. 25. С. 243–255).

план и эскиз которого Академия обсуждала по меньшей мере три раза²². Среди двух заказанных для зала икон одна, помимо лика Спасителя, была иконой св. Александра Невского (№ 8, л. 134). Следил Нартов и вообще за внешним оформлением деятельности Академии: он первым ввел отсутствовавшие до того дипломы членов Российской академии²³, он распорядился нанять для главного здания Академии швейцара, которому было определено приобрести «парадное швейцарское платье из зеленого сукна со всем принадлежащим к нему прибором, шляпу, булаву и проч.» (№ 6, л. 207 об.). Он, наконец, старался формализовать деятельность Академии, вводя обязательные еженедельные заседания, еженедельный же отчет казначея в приходе и расходе академических сумм, создавая специальные комитеты для особых целей (за первые два года управления таких комитетов было создано пять – от комитета по строению академических домов до комитета для рассматривания «Умословия» И. С. Рижского)²⁴.

Как видим, в Российской академии Нартов показал себя достаточно опытным администратором, что не замедлило дать ощутимые организационные плоды. Уже в 1801 г. новому президенту удалось добиться того, что Александром I было подтверждено «Начертание» об Академии, составленное Е. Р. Дашковой и возвращена выдача из Кабинета 6 250 рублей в год. Однако, еще более радостное событие ждало Академию в 1802 году. В начале марта Нартов через Трошинского представил императору и императорской фамилии первый труд Академии, изданный под его руководством – перечитанную с приходом нового президента в третий раз и посвященную императору «Российскую грамматику» Соколовых. Благодарственные отзывы были получены сначала от императрицы Марии Федоровны и вел. кн. Константина Павловича, а 25 марта – от самого императора (№ 5, л. 47–48, 59–60). Результатом этого подношения стало решение о выделении Российской академии средств на постройку нового дома, издание ежемесячных сочинений и перевод классических авторов, упоминавшееся выше. Принятие решения о начале новой деятельности было представлено Нартовым как государственное дело; не случайно он согла-

---

²² См. подробнее в настоящем сборнике, в статье Е. В. Кочневой. С. 188–189.

²³ Эти дипломы рассылались членам Академии вместе с первыми томами перевода «Анахарсиса» Бартеlemi в марте – апреле 1805 г.

²⁴ 31 августа 1801 г. был создан Комитет для рассматривания трудов сочинителей Словаря; в 1802 г.: 3 мая – Комитет по строению академических домов, 2 августа – комитет для рассматривания «Умословия» (Логиги) Рижского; 17 января 1803 г. – Комитет для рассматривания сочинений, представляемых для «Ежемесячных сочинений» и, наконец, 19 сентября 1803 г. – Комитет для чтения и рассматривания перевода «Путешествия младшего Анахарсиса».

сился на присуждение ему золотой медали только при том условии, что вторая золотая медаль будет присуждена Трощинскому, организовавшему принятие высочайшего решения (№ 5, л. 61).

Как было сказано, в течение трех месяцев после объявления этого решения в Российской академии были начаты работы по переводу пяти античных авторов. В свете такой ориентации на античную классику приобретение 12 июля 1802 г. для библиотеки Академии семитомного французского «Путешествия младшего Анахарсиса» Ж.-Ж. Бартеlemi могло показаться оправданным только тем, что оно приобреталось как справочник, обширный свод сведений о древней Греции²⁵. Между тем, 26 июля, то есть спустя всего лишь месяц с объявления начала своей работы над Геродотом, Нартов сообщил собранию, что «принимает на себя перевести с французского языка на русский первый том путешествия Анахарсиса по Греции <...> достойного быть преложенным на отечественный наш язык, как по содержанию своему, так и по изящности слога» (№ 5, л. 170). Несмотря на положение одобренного всего лишь месяц назад «Начертания»: «Перевод книг, в многих томах или частях состоящих, разным членам препоручать не должно: в противном случае слог был бы разнообразен, а потому и перевод будет не токмо не согласен, но даже противен намерению, с каковым Академия преложение классических писателей предприимлет»²⁶, – «Анахарсиса» было решено переводить всемером.

Принятие решения о переводе книги Бартеlemi кажется странным не только потому, что оно нарушало недавно установленный Академией внутренний распорядок. В отличие от всех ранее заявленных переводов, здесь решалось переводить автора «нового», что не вполне соответствует тому, что нам известно о работе Академии в первые годы XIX века. Так, следует отметить, что книги писателей XVII–XVIII веков почти полностью отсутствуют в числе покупавшихся Академией трудов; преимущественно это компендиумы, приобретававшиеся для возможного использования в «Сочинениях и переводах Российской Академии»; от членов Академии было получено только одно предложение перевести новоевропейского писателя: в 1805 г. Д. И. Хвостов сообщал, что почти закончил перевод «Поэтического искусства» Н. Буало, но и в этом случае оправдывался: «Наука о стихо-

---

²⁵ См. запись в протоколе заседания Академии от 12 июля 1802 г.: «Собранием определено: книгу “Voyage de jeune Anacharsis en Grèce par Mr. de Barthelemy” в 7. томах с ландкартами во французском переплете купить для российской Академии, а следующие за оную деньги сорок пять рублей выдав книгопродавцу Клостерману, записать в расходную шнурувую книгу» (№ 5, л. 195 об.).

²⁶ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 212.

творстве г. Боало хотя не может величаться древним летосчислением, но, без сомнения, в потомстве будет почтена знаменитым классическим творением. Довольно уже того, что она сама почти есть перевод Аристотелевой и особливо Горациевой пиитики»²⁷. Между тем, обращение к переводу книги, которая вышла менее чем 15 лет назад, в 1788 году, вовсе не должно казаться неожиданным. Чтобы охарактеризовать ее значение в европейской культуре начала XIX века, достаточно повторить отзыв об этой книге Н. М. Карамзина, во многом повторявшего в 1803 году прозвучавшие ранее в Германии и Франции оценки: «Если спросим у знающего литератора: какая книга есть славнейшая из всех, вышедших в последнюю четверть осьмаго-надесять века, то он конечно назовет *Путешествие Анахарсиса*. Бартеlemi оживил для нас Грецию со всеми ее великими мужами и происшествиями, со всеми памятниками геройства, ума, философии, искусства и талантов, со всеми законами, обычаями и нравами, столь любопытными. Читая книгу его, мы видим и слушаем греков; пространство времен исчезает, и глубокая древность является нам в блеске и в свежести настоящего»²⁸. В семи томах своей книги Бартеlemi, действительно, собрал и, что еще важнее, представил в занимательной форме очень многое из того, что было известно в XVIII веке об истории, нравах, быте, философии, музыке и многих других сферах жизни древней Греции. Это был, таким образом, один из основных источников знакомства людей того времени с классической древностью. Значение этой книги для русской культуры того времени подтверждает и тот факт, что в 1801 или 1802 г. Александром I было выделено 6 000 руб. на завершение многолетнего труда профессора и впоследствии ректора Московского университета П. И. Стрехова по переводу «Анахарсиса»²⁹. Неизвестно, знал ли о переводе Стрехова Нартов. Карамзин в рецензии на только что вышедший первый том перевода сообщает: «Давно уже любители нашей словесности знали, что господин Стрехов, профессор Московского университета, занимается переводом *Анахарсиса*, и с нетерпением ожидали его на русском языке»³⁰. Можно предположить, что Нартов в число этих любителей не входил, однако с уверенностью можно сказать, что незадолго до появления официального извещения о выходе первого тома перевода Стрехова

²⁷ Сухомлинов М. И. История... СПб., 1886. Вып. 7. С. 551.

²⁸ О русском переводе Анахарсиса // Вестник Европы. 1803, ч. 10, № 13. С. 57.

²⁹ Там же. С. 58.

³⁰ Там же. С. 57.

хова Нартов узнал, что он вскоре выйдет в свет. Объявление о выходе перевода Страхова и о подписке на него появилось в «Московских ведомостях» 15 июня 1803 г.³¹ 6 июня, то есть всего за 9 дней до этого, Нартов на очередном заседании Академии объявил, что «он привел к окончанию принятый на себя <...> перевод первого тома путешествия младшаго Анахарсиса по Греции, котораго первая тетрадь во время сего собрания и прочтена». Сразу после этого «те из г. присутствовавших членов, которые также приняли на себя труд преложения последующих частей <...> объявили, что и они с своей стороны принятым ими на себя переводом занимаются и по окончании оного не преминут доставить в Академию. К отсутствующим же г. членам Академии г. президент препоручил секретарю оныя писать, дабы благоволили уведомить Академию, далеко ли они простираются в своих переводах и когда могут доставить их в Академию, дабы она, во исполнение высочайшей Его Величества воли, могла скорее приступить к изданию в свет общепользных классических книг» (№ 6, л. 106). Как кажется, такая поспешность в сборе материалов перевода – а от начала работы прошло меньше года – была вызвана как раз тем, что, получив известие о работе Страхова, Нартов понял: Академия теряет приоритет в той работе, которая должна была представлять ее перед императором и обществом³². О том, что такая активизация работы была связана с переводом Страхова, свидетельствует отчасти переписка Нартова с Д. И. Хвостовым. Хвостов, получив просьбу сообщить, как продвигаются дела с переводом, писал: «Видя перевод г<осподи>на Страхова печатающийся, мог я думать, что намерение сие оставлено, и для того не иметь нужды спешить, но, привыкнув во всякое время удовлетворять <...> желаниям Академии <...>, не премину без дальнего промедления сообщить <...> возложенную на меня третью

³¹ Московские ведомости. 1803, № 47 (15 июля). С. 796.

³² Не исключено, впрочем, что Нартов поспешил со сдачей своего перевода, который к тому времени вряд ли был завершен, желая поправить свое финансовое положение. За неделю до объявления о завершении перевода, 30 мая, Нартов предложил собранию Академии принять положение об оплате труда переводчиков: «Собрание <...> имело рассуждение о награждении г. членам, трудящимся для Академии в переводе классических и других до словесности вообще касающихся книг на язык российский и приемля в основание важность и трудность подлинника и величину формата переводимой книги, положило в награждение за каждый лист с переводимого оригинала»: за перевод Тацита – 25 рублей за лист, Сенеки, Лукана и «Анахарсиса» – 20, Цицерона – 15 (№ 6, л. 101 об.). Однако, решение о выплате Нартову платы за перевод было принято только 19 сентября, тогда же, когда А. С. Никольским было представлено начало своей части перевода и принято решение о создании специального комитета для рассматривания перевода «Анахарсиса». При подсчете листов оказалось, что Нартову должно быть заплачено 460 рублей, Никольскому – 600 рублей.

часть Анахарсиса» (№ 6, л. 172–172 об.). Узнав же от Нартова обстоятельства дела, он, спустя некоторое время, писал: «Ныне видя, сколько нужно поспешение для Академии в сем переводе, за долг себе поставляю <...> непременно перевод <...> сообщить <...> не позже первого числа наступающего нового года» (№ 6, л. 180 – 180 об.). Между тем, несмотря на такую спешку, первый том академического перевода, как и второй, был готов только к концу 1804 года, то есть на его подготовку ушло после заверения о завершении более полутора лет. Как кажется, главным препятствием в данном случае послужило то, что, несмотря на заверения Нартова в завершении перевода, по-видимому, им была выполнена только первая его часть. Во всяком случае, сличение переводов Страхова и Нартова показывает, что если в начале тома перевод Нартова выглядит самостоятельным, то в конце его он предстает явно зависимым от перевода Страхова:

И. Ежели верить древним преданиям, то первые обитатели Греции не имели иных жилищ, как глубокие пещеры, из которых выходили токмо на похищение у зверей пищи грубой, а иногда и вредной. В последствие времени, когда соединились под начальство отважных предводителей, умы их более просветились, а купно умножились их нужды и бедствия <...> Родилась война; сильные страсти воспламенились и следствия оных были ужасны. Реками кровь надлежало проливать, чтобы утвердить за собою владение земли. Победители пожирали побежденных; у всех над головами была смерть, а в сердцах мщение. Но то ли от того, что человек наконец утомляется от своего зверства, или что климат Греции рано или поздно смягчает характеры ея обитателей, многия сонмища диких людей добровольно предались руководству законодателей, принявших намерение укротить их нравы. Египтяне были сии законодатели, приставшие к бере-

И. Первые обитатели Греции, естьли верить древним преданиям, не имели иных жилищ, кроме глубоких пещер, и выходили из оных для того токмо, чтобы сражаться со зверьями за суровую, а иногда и вредную пищу. Потом, соединясь под предводительством отважных начальников, умножили они свое просвещение, свои нужды и бедствия <...> Началась война; воспламенились сильные страсти, и следствия их были ужасны. Надлежало проливать реки крови, для утверждения за собою какой либо земли. Победители пожирали побежденных; смерть была над всеми главами, а мщение во всех сердцах. Но, или потому, что человек утомляется наконец от своей свирепости, или климат Греции умягчает рано или поздно свойство в нем обитающих, многия сонмища дикарей прибегли к законодателям, вознамерившимся их просветить. Сии законодатели были Египтяне, пришедшие ко берегам Арголиды для снискания

гам Арголиты. Здесь искали они себе убежища; здесь основали царство³³.

II. Сократа единого не поколебали бедствия тогдашних времен; он осмелился утешать несчастных и противиться велениям тиранов. Но не его добродетель тревожила их; они страшились, справедливее, великого ума Альцибиадова, за поступками которого тайно смотрели.

Он находился тогда в одном местечке Фригийском, в округе правления Фарнабазова, от которого получил знаки отличия и дружбы. Уведав о делаемых младшим Киром наборах войск в малой Азии, заключил из сего, что сей царевич умышляет воевать противу Артаксеркса, своего брата: в следствие чего думал он отправиться к царю Персидскому, уведомить его о угрожающей опасности, и получить от него помощь для освобождения своего отечества: но незапно убийцы, посланные от сатрапа, окружают дом его, и не имея смелости наступить на него, зажигают дом. Альцибиад

себе на оных убежища. Здесь они основали Государство³⁴.

II. Единого Сократа не поколебали ни мало беззакония тогдашних времен; он отважился утешать несчастных и противиться повелениям тиранов. Но не его добродетель тревожила их; они страшились более великого ума Алкивиада, за поступками когого весьма тщательно наблюдали.

Он находился тогда в одном Фригийском местечке, в наместничестве Фарнабазы, от которого получил он знаки отличия и дружбы. Узнав, что младший Кир набирал войска в малой Азии, заключил из того, что сей царевич умышлял воевать против брата своего Артаксеркса: сего ради предпринял он отправиться к царю Персидскому, уведомить его о угрожающей опасности, и получить от него помощь для освобождения своего отечества: но незапно посланные от сатрапа убийцы окружают его дом, и не имея дерзновения на него наступить, зажигают оный. Алкивиад имея в

³³ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции в половине четвертаго века до Рождества Христова / Пер. с фр. П. Страховым. М., 1803. Т. 1. С. 1–2. Фр. оригинал: “S’il faut s’en rapporter aux anciennes, les premiers habitans de la Grèce n’avoient pour demeures que des antres profonds, et n’en sortoient que pour disputer aux animaux des alimens grossiers et quelquefois nuisibles. Réunis dans la suite sous des chefs audacieux, ils augmentèrent leurs lumières, leurs besoins et leurs maux. <...> La guerre commença; de grandes passions s’allumèrent; les suites en furent effroyables. Il falloit des torrens de sang pour s’assurer la possession d’un pays. Les vainqueurs dévorèrent les vaincus; la mort étoit sur toutes les têtes, et la vengeance dans tous les coeurs. Mais, soit que l’homme se lasse enfin de sa férocité, soit que le climat de la Grèce adoucisse tôt ou tard le caractère de ceux qui l’habitent, plusieurs hordes de sauvages coururent au-devant des législateurs qui entreprirent de les policer. Ces législateurs étoient des Egyptiens qui venoient d’aborder sur les côtes de l’Argolide. Ils y cherchoient un asile; ils y fondèrent un empire” (*Barthélemy J.-J.* Voyage du jeune Anacharsis en Grèce, dans le milieu du quatrième siècle avant l’ère vulgaire. Paris, 1793. Т. 1. Р. 17–18).

³⁴ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие младшаго Анахарсиса по Греции / Пер. с франц. Имп. Рос. акад. президентом Андреем Нартовым. СПб., 1804. Т. 1. С. 1–2. Здесь и далее подчерки-

устремляется с мечом сквозь пламень, разгоняет варваров и падает мертв от множества стрел; ему было тогда 40 лет. Смерть его наносит стыд Лакедемону, ежели то правда, что правители его, побуждаемые одинакою боязнию с Афинскими тиранами, склонили Фарнабазу исполнить сие гнусное злодеяние. Но другие уверяют, что он сам собою на сие поступил, и по причинам особенным³⁵.

руках меч, бросается сквозь пламень, прогоняет варваров и падает мертв под тучею стрел. Тогда было ему 40 лет. Смерть его есть вечное пятно для Лакедемона, если то правда, что градоначальники с Афинскими тиранами одинакий страх чувствовали, и преклонили Фарнабазу к исполнению сего гнуснаго злодеяства. Но другие уверяют, что он сам себя и по особенным причинам подверг оной смерти³⁶.

И дело не только в том, что во втором фрагменте перевод Нартова обнаруживает значительно большее количество совпадений с переводом Страхова (в первом случае, если не считать изменений в порядке слов, совпадают 63 переводимых элемента из 96, т. е. 65 % текста; во втором – 99 из 134, т. е. 74 %) ³⁷: ведь, прежде всего, оба переводчика в значительной степени зависят от текста оригинала, что объясняет большое количество

вания в тексте перевода Российской Академии означают разночтения с переводом П. И. Страхова.

³⁵ *Бартелеми Ж.-Ж.* Путешествие... М., 1803. Т. 1. С. 388–389. Фр. оригинал: “Socrate fut le seul qui ne se laissa point ébranler par l’iniquité des temps: il osa consoler les malheureux, et résister aux ordres des tyrans. Mais ce n’étoit point sa vertu qui les alarmoit: ils redoutoient, à plus juste titre, le génie d’Alcibiade, dont ils étoient les démarches. Il étoit alors dans une bourgade de Phrygie, dans le gouvernement de Pharnabaze, dont il avoit reçu des marques de distinction et d’amitié. Instruit des levées que le jeune Cyrus faisoit dans l’Asie mineure, il en avoit conclu que ce prince méditoit une expédition contre Artaxerxès son frère: il comptoit, en conséquence, se rendre auprès du roi de Perse, l’avertir du danger qui le menaçoit, et en obtenir des secours pour délivrer sa patrie; mais tout-à-coup des assassins envoyés par le satrape, entourent sa maison; et, n’ayant pas la hardiesse de l’attaquer, y mettent le feu. Alcibiade s’élança, l’épée à la main, à travers les flammes; écarte les barbares, et tombe sous une grêle de traits: il étoit alors âgé de 40 ans. Sa mort est une tache pour Lacédémone, s’il est vrai que les magistrats, partageant les craintes des tyrans d’Athènes, aient engagé Pharnabaze à commettre ce lâche attentat. Mais d’autres prétendent qu’il s’y porta de lui même, et pour des intérêts particuliers” (*Barthélemy J.-J.* Voyage... Т. 1. P. 334–335).

³⁶ *Бартелеми Ж.-Ж.* Путешествие... СПб., 1804. Т. 1. С. 347–348.

³⁷ Следует отметить, что в обоих случаях зависимость текста Нартова от Страхова оказывается выше, чем зависимость обоих текстов от перевода этих фрагментов Я. И. Булгаковым (РГБ, ф. 41, карт. 16, № 4–5), с которым несомненно знакомился Страхов (*Жихарев С. П.* Записки современника. М., 2004. С. 203). Так, в первом случае совпадения составляют 55% (у Страхова) и 58% (у Нартова); а во втором – 60% и 62% соответственно. Сравнение перевода Страхова с другими участниками коллективного перевода Российской академии дает сходные результаты совпадений: 60% – с переводом Д. И. Хвостова (3-й том); 59% – с переводом А. Ф. Севастьянова (4-й том).

совпадений. Важнее отметить, что во втором случае перевод Нартова обнаруживает несомненную зависимость от своего предшественника в передаче различных незначительных элементов (служебные слова, местоимения, предлоги, грамматические формы, порядок слов и т. д.), определяющих в первую очередь индивидуальность перевода. Если в переводе первого фрагмента именно подобные случаи составляют большую часть (22 из 33) вариантов: *ежели – естьли; в последствие времени – потом; когда соединились – соединясь; реками кровь проливать – проливать реки крови*, и т. д., то во втором – доля таких вариантов значительно ниже (19 из 35), причем преимущественно это лексические варианты (*из сего – из того; с мечем – имея в руках меч; зажигают дом – зажигают оный; сам собою на сие поступил – сам себя подверг смерти*, и т. д.); использование различных грамматических форм минимально: *ума Алкивиада – ума Альтивиада; уведав о делаемых наборах – узнав, что набирал; умышляет – умышлял*.

В еще большей степени зависимость от перевода Страхова обнаруживает перевод главы о музыке из третьего тома «Анахарсиса», выполненный П. И. Соколовым³⁸:

Также порочить должно нынешнюю музыку в той изнеженности, в тех обольстительных тонах, которыми народ приводится в восторг, и которых выражение, не относяся ни к какому определенному предмету, всегда относимо бывает к господствующей страсти. Единственное их действие есть, разслаблять час от часу более такой народ, в котором душевные качества, не имея ни силы, ни характера, различаются только разными своими степенями малодушия.

Новейшую музыку порочить можно за ту изнеженность, за те очаровательные звуки, от которых народ приходит в восторг, и которых выражение, не относяся ни к какому определенному предмету, всегда обрашается в пользу господствующей страсти. Единственное их действие состоит в том, чтобы более и более разслаблять такой народ, в котором душевные качества, не имея ни силы, ни свойства, отличаются только разными степенями своего малодушия.

---

³⁸ Несмотря на то, что переводить третий том было поручено Д. И. Хвостову, в конце декабря 1803 г. он писал Нартову, что «вторая глава третьяго тома, а вообще всей книги 27я о музыке, меня совершенно обезоружила, и я торжественно должен Академии признаться, что я ее перевести не в состоянии. Она разсуждает о части мне чуждой, наполнена выражениями мне неизвестными, так, что с помощью словарей, и особ в музыке искусных, я тщетно три раза покушался положить оную на бумагу» (№ 8, л. 6 об.). Далее Хвостов сообщал, что предложил перевести главу Г. С. Салтыкову, однако в начале января 1804 должен был признаться, что «не имеет никакой надежды доставить» этот перевод. В результате, 16 января Нартов поручил переводить главу П. И. Соколову (№ 8, л. 16–16 об.).

Но, сказал я Филотиму, поелику древняя музыка имеет столь великия преимущества, а новая столь великия приятности: то для чего не стараться их согласить? Я знаю одного музыканта, именем Телезиаса, отвечал он, которой сделал сему план за несколько пред сим лет. В юности своей напитался он чувствованием тех важных красот, коими наполнены творения Пиндара и других пиит лирических. По том, прельщен произведениями Филоксена, Тимофея и новейших пиит, он захотел сблизить сии два различные рода сочинений. Но при всем старании, он всегда склонялся к сочинениям первых своих учителей, и не получил инаго плода от своих трудов, как что навлек на себя с обеих сторон неудовольствие³⁹.

Но поелику древняя музыка, сказал я Филотиму, имеет столь великия преимущества, а новая столь великия приятности: то для чего не стараться согласить их? Я знаю одного музыканта, именем Телезия, отвечал он, который за несколько лет пред сим имел-было намерение произвести сие в действо. Еще в юности своей напитался он чувствованием тех важных красот, которыми наполнены творения Пиндара и других лирических стихотворцев. Потом, быв прельщен произведениями Филоксена, Тимофея и новейших стихотворцев, он вздумал сблизить сии два различные рода сочинений: но при всем своём старании, он всегда придерживался рода сочинений первых своих учителей, и не получил другаго плода от всех своих трудов, как только то, что навлек на себя неудовольствие обеих сторон⁴⁰.

При той степени зависимости, которую обнаруживает перевод Соколова от перевода Страхова (совпадение 94 из 118 переводимых элементов, т. е. 80 %), очевидно, что варианты носят характер всего лишь стилистической правки. Особенно характерны проповедывавшиеся Российской академией замены слов и оборотов с «иностранными» корнями: *не имея ни силы,*

³⁹ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... М., 1804. Т. 3. С. 289–291. Фр. оригинал: “On doit reprocher encore à la musique actuelle cette douce mollesse, ces sons enchanteurs qui transportent la multitude, et dont l'expression n'ayant pas d'objet déterminé, est toujours interprétée en faveur de la passion dominante. Leur unique effet est d'énervier de plus en plus une nation où les ames sans vigueur, sans caractere, ne sont distinguées que par les différens degrés de leur pusillanimité. Mais, dis-je à Philotime, puisque l'ancienne musique a de si grands avantages, et la moderne de si grands agrémens, pourquoi n'a-t-on pas essayé de les concilier? Je connois un musicien nommé Télésias, me répondit-il, qui en forma le projet, il y a quelques années. Dans sa jeunesse, il s'étoit nourri des beautés séveres qui regnent dans les ouvrages de Pindare et de quelques autres poètes lyriques. Depuis, entraîné par les productions de Philoxene, de Timothée et des poètes modernes, il voulut rapprocher ces différentes manieres. Mais, malgré ses efforts, il retomboit toujours dans celle de ses premiers maîtres, et ne retira d'autre fruit de ses veilles que de mécontenter les deux partis” (*Barthélemy J.-J.* Voyage... Т. 3. P. 241–242).

⁴⁰ *Бартеlemi Ж.-Ж.* Путешествие... / Пер. с франц. Имп. Рос. акад. членом гр. Д. И. Хвостовым. СПб., 1807. Т. 3. С. 124–125.

ни характера – не имея ни силы, ни свойства; сделал сему план – имел-было намерение произвести сие в действо; пишет лирических – лирических стихотворцев; новейших пишет – новейших стихотворцев.

Таким образом, как видим, для двух руководителей Российской академии, президента и неперменного секретаря, перевод «Анахарсиса» из серьезного предприятия превращался в отписку. Только этим может быть, по-видимому, объяснено использование Нартовым перевода Страхова, а позже – еще более явное использование этого перевода Соколовым. С рассмотрения главы о музыке начинаются протокольные записи работы Комитета для рассматривания академических переводов,⁴¹ на этом заседании присутствовали все члены комитета, и безмолвное⁴² их согласие с тем, что под видом перевода предлагается всего лишь выправленный в соответствии с лингвистической программой Академии чужой труд, вполне характеризует статус этого начинания в системе работы Академии. Неудивительно поэтому, что академическому переводу Анахарсиса был оказан такой скромный прием. Отпечатав первые два тома перевода к февралю 1805 года, Академия разослала их всем своим членам. Было получено несколько благодарственных писем, обусловленных, главным образом, тем, что вместе с первым опытом академического перевода рассылались и печатные дипломы.⁴³ Однако положительных отзывов о качестве самого перевода, а не

⁴¹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 3 (1804), № 13, л. 2.

⁴² Перевод Страхова ни разу не упоминается в протоколах Российской академии. В отличие от французских переводов переведившихся классиков, активно приобретающихся за академической библиотеки, русский перевод «Анахарсиса» официально не был приобретен.

⁴³ Сохранилось 9 таких писем: а) от А. Б. Куракина к А. А. Нартову 2 марта 1805 г., где о переводе сказано: «славное сие издание, достойное трудов гг. переводчиков оно, есть новое доказательство попечения о распространении российской словесности и вашему превосходительству, как первому попечителю о том, общую похвалу и благодарность не токмо во настоящее, но и в предбудущее время от любителей оной словесности принесет» (№ 10, л. 86–86 об.); б) от Д. П. Трошинского А. А. Нартову 5 марта, где перевод охарактеризован как «достойные плоды трудов Российской Академии» (№ 10, л. 87); в) от Г. Р. Державина А. А. Нартову 23 марта (№ 10, л. 88); г) А. А. Нартову от С. Я. Румовского, не столько поздравлявшего с выпуском первого академического перевода, сколько жаловавшегося на трудности с осуществлением собственного перевода Тацита: «В подарке сем не цену я почитаю, но пример чистоты российского языка и точности в изображении мыслей подлинника. Желал я подражая оному доказать усердие мое Академии, но труд мой некоторым членам неугоден, и потому остается желать, чтобы они что-нибудь достойное Академии представили, чтобы трудами своими подали пример прочим членам, и уверили, что они о переводах с латинского языка основательно судить могут. В прочем я смею уверить ваше Превосходительство, что нет ничего легче, как охудать труды сотоварищей и обвинить отсутствующего» (№ 10, л. 89–89 об.); д) от Д. И. Хвостова к П. И. Соколову начала марта с высокой оценкой перевода (см. ниже); е) от Анастасия, архиепископа Могилевского и Витебского 10 апреля, писавшего: «Перевод

только переводимого труда, в них почти не было, за исключением отзыва Д. И. Хвостова, участника того же предприятия: «Истинно перевод хорош и достоин Академии. Я читал и сравнивал лутчия места с подлинником, и нахожу, что *неоложизма* которой нет в сем переводе, или *мило-прилестна*, есть лишь для рускова затея свидетельствующая то явно о невежестве писателя или переводчика»⁴⁴. Между тем, главного одобрения, которого ожидал Нартов, он так и не получил. Несмотря на то, что богато переплетенные тома перевода были переданы президентом Академии через министра народного просвещения П. В. Завадовского императору⁴⁵, единственным отзывом этого подношения явилось, говоря нынешним языком, требование от Завадовского представить годовой отчет: «Будучи обязан <...> давать отчет Государю <...> в управлении всех частей по вверенному мне Министерству, я прошу ваше превосходительство доставить мне краткое изображение как о занятиях Российской Академии в течении прошлого 1804го года, так и ведомость о суммах, употребленных ею в продолжении онаго» (№ 10, л. 85).

Не получил академический перевод «Анахарсиса» поддержки и среди читающей публики. Так, Евгений Болховитинов писал Д. И. Хвостову: «Первый том Академического Анахарсиса видел я в Петербурге и не имел терпения прочитать ни 20 листов. Так-то переводит Академия Российская, думающая быть учительницею в Российской словесности!.. Нежный, сладкоречивый Анахарсис таким ли языком должен говорить на Руси? – Я с

Анахарсиса составляет подлинную честь для трудившихся, – верно – и для трудящихся в оном из сословия по словутости Российския Академии» (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 5, л. 1); ж) от Михаила, архиепископа Черниговского А. А. Нартову 3 мая, писавшего: «Со утешением читая трудов ваших перевод Императорской Российской Академии ко мне доставленный долгом поставляю поблагодарить Вас за оный яко в отличную пользу отечественному нашему языку служить могущий. Таковы Ваши приятныя упражнения!» (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 7, л. 1); и, наконец, з) от Феофтиста, архиепископа Курского и Белгородского 13 мая, со следующим панегириком Академии: «В сем преложении путешествия по стране древле сиявшей мудростию наши соотчичи найдут область обширнейшего своих патриотов в российской слове знания. – Появится некогда и в любезнейшем отечестве нашем путешествовать и подражая Анахарсису, зайдет в круг российских любомудрцев для доставления достославных их действований, возвышающих в мире славу России под благодетельным покровительством просвещеннейшаго МОНАРХА» (№ 10, л. 129–129 об.); и) от А. М. Белосельского-Белозерского к П. И. Соколову с формальной благодарностью (ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1800), № 4, л. 1).

⁴⁴ ПФА РАН, ф. 8, оп. 3 (1805), № 2, л. 4.

⁴⁵ Для императора и императорской фамилии было переплетено отпечатанных на велейной бумаге 4 экземпляра в сафьян и 6 в тафту; помимо этого, 4 переплетенных во французский кожаный переплет экземпляра на белой бумаге были поднесены влиятельным сановникам – А. Б. Куракину, Д. П. Трошинскому, Н. Н. Новосильцеву и Д. А. Гурьеву (№ 10, л. 50–50 об.; 67–68).

досады – подписался на Страхова перевод, хотя также неочищенный от галлицизмов, и уже имею 4 тома»⁴⁶. Как следствие, перевод плохо раскупался: за первые два месяца обращения его в свободной продаже было продано всего 4 экземпляра⁴⁷.

* * *

Помимо основной отмеченной причины неудачи проекта Российской академии по переводу классических авторов – принятия решения о работе над ним из соображений громкости проекта, а не реальной пользы подобной работы, – можно отметить также ряд других причин менее административного характера.

Прежде всего, нельзя не заметить, что круг лиц, способных перевести классических авторов, был в Российской академии в немалой степени ограничен. Стоит вспомнить, что несмотря на то, что в начальном плане Нартова значились как римские, так и греческие авторы, переводить в Академии принялись только с латыни – Тацита, Цицерона, Сенеку и Лукана. П. И. Голенищев-Кутузов, переводивший в 1800-е годы Пиндара, Сафо, Феокрита, Гесиода и нескольких других греческих авторов, древнегреческим не владел, о чем он открыто сообщает в предисловии к своему переводу Гесиода: «В заглавии онаго [перевода. – А. К.] не сказано, с какого языка я сей перевод сделал, сего я точно и сказать не могу, поелику я в труде моем кроме англинского, французского и немецкого переводов воспоществуем был советами человека хорошо знающего по-гречески, и указывавшего мне, в котором из вышесказанных переводов какое место ближе к греческому подлиннику; следовательно, я переводил с трех разных языков»⁴⁸. Также маловероятно, что с греческим оригиналом планировал сверять свой перевод Геродота Нартов. По сути, греческим языком из членов Академии владели только несколько церковных иерархов и других писателей с духовным образованием, что и отразилось в судьбе решения о статье, которой предполагалось открыть первый том ежемесячных сочинений Академии. Решение это было принято 9 января 1804 г., и в нем говорилось, что «весьма прилично начать сии издания сочинением, в котором бы из-

---

⁴⁶ Переписка Евгения с графом Д. И. Хвостовым / подг. Я. К. Гротом // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 119.

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 10, л. 97.

⁴⁸ Творения Гезиода, переведенныя... Павлом Голенищевым-Кутузовым. М., 1807. С. V.

бранными и достаточными примерами показаны были изобилие, важность, сила и красота языка славено-российского, что оный весьма способен ко всем трем родам слога, как то: важного, средственнаго и простаго и что на славено-российский язык самые лучшие и труднейшие места иностранных писателей переводить можно с желаемым успехом, с надлежащею точностию и с соблюдением красот подлинника» (№ 8, л. 1–1 об.). 16 января написать эту статью было предложено Н. Я. Озерецковскому, который от предложения отказался, а 13 февраля выбрать греческие примеры «из Иоанна Златоуста, Василия Великого, Гомера и проч.» согласился И. И. Красовский, так и не выполнивший эту работу. Не попал в первый выпуск «Сочинений и переводов» и перевод С. Я. Румовского речи Х. Геллерта «О причинах преимущества древних писателей пред новейшими, особливо в стихотворстве и красноречии», предложенный 25 апреля 1803 г.⁴⁹ и опубликованный только в третьем выпуске журнала. Перевод этот мог в полной мере служить обоснованием программы Академии по переводу классических авторов, поскольку текст речи строился преимущественно вокруг следующего положения: «Во все веки были беспристрастные <...> судии и знатоки, коих единогласное мнение служит неоспоримым доказательством преимущества древних. В новейшие времена были и такие, кои имели дерзновение отказывать им в сем преимуществе; однако против одного Перольта, против одного Ламотта было десять Дассиеров, десять Депрео, десять Попе⁵⁰ <...> Остроумные древние писатели целые тысячи лет подвержены были испытанию, и во все времена и при всех обстоятельствах нравились <...> Напротив того новые писатели некоторым только нравятся и знатоки не столь охотно, и не столь часто чтением их занимаются»⁵¹. Между тем, содержательная часть⁵² вышедшего в 1805 г. первого выпуска «Сочинений и переводов» открылась не этими статьями, а трудом А. С. Шишкова о «Слове о полку Игореве»⁵³, да и в «Предуведомлении» к первому

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 8, оп. 1, № 6, л. 91–91 об.

⁵⁰ Имеется в виду известный «спор о древних и новых» во французской литературе конца XVII – начала XVIII века. См. подробнее: Спор о древних и новых / сост. и вступ. ст. В. Я. Бахмутского. М., 1985.

⁵¹ Геллерт Х. О причинах преимущества древних писателей пред новейшими, особливо в стихотворстве и красноречии // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. 1808. Т. 3. С. 114–115.

⁵² Ей предшествовало «Предуведомление» и историческая справка, «Известия о упражнении Императорской Российской Академии».

⁵³ Примечания Александра Шишкова на древнее о полку Игоревом сочинение, в Москве, с переложением онога на употребительное ныне наречие, в 1800 году изданное // Сочинения и переводы, издаваемые Российскою Академиею. 1808. Т. 1. С. 23–234.

тому о переводах речи не шло, зато отмечалось, в полном соответствии с помещением именно труда Шишкова как основного, что «наипаче <...> Академия желает, чтобы красоты славенского языка и знаменования мало или совсем не употребительных ныне слов и речений в подробности рассматриваемы были. Сие почитает она нужным, первое, потому, что сила и богатство российского языка заимствуется от славенского <...> Второе, что со истолкованием мало известных слов открывается их знаменование, как в настоящем, так и в иноказательном смысле, откуда часто рождается краткость, сила и красота выражений»⁵⁴.

Следует отметить, что со стороны членов Академии, занимавшихся основным со времени ее основания трудом – «Словарем», высказывалось недовольство тем, что значительная часть времени заседаний, да и вообще деятельности Академии, отводится таким второстепенным занятиям, как переводы и чтение новых художественных сочинений. Открыто с этим мнением выступил 3 сентября 1804 г. Иоанн Красовский, сообщив, что считает необходимым отказаться от подобной деятельности, пока не будет издан словарь⁵⁵. И хотя на том же собрании было решено отклонить это предложение, уже вскоре Нартов сам выступил с тем же, по сути, мнением от своего имени: «Чтением и рассматриванием как сих (т. е. Тацита, Овидия, Лукана, Сенеки и Цицерона. – А. К.), так и впредь поступать могущих переводов, Академия в общих своих собраниях заняться не может, не причинив весьма ощутительной остановки в издании российского словаря, составляющего один из главнейших предметов ея обязанностей: да и самые переводы не уповательно, чтобы могли быть изданы в свет с желаемую поспешностию <...> Приняв в уважение сии причины <...> предлагаю Академии, так как кратчайшее и вернейшее к достижению сея цели средство, существование <...> комитета (по рассмотрению перевода «Анахарсиса» – А. К.) <...> утвердить на все то время, доколе переводы в Академию поступать будут» (№ 8, л. 306 об.).

Таким образом, деятельность по переводу окончательно признавалась в Академии, в том числе и на организационном уровне, второстепенной, и она обратилась к исполнению своей основной задачи – составлению словаря. Деятельность же по переводу классических авторов осталась участю отдельных энтузиастов, из которых самым активным в 1800-е годы следует признать П. И. Голенищева-Кутузова, не только издавшего отдельными книгами переводы трех греческих поэтов (хотя и не с языка оригинала) и

⁵⁴ Там же. С. II–III.

⁵⁵ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1887. Вып. 8 и последний. С. 183–185.

помещавшего отдельные переводы в трех томах своих «Стихотворений», но и принимавшего участие в издании журнала «Друг Просвещения», где была опубликована почти четверть всех лирических переводов классических авторов, появившихся в русских журналах в 1800-е годы⁵⁶. И не случайно, что программное предуведомление о значении переводов классических авторов для русской литературы и о предполагавшейся роли в этом начинании Российской академии появилось не в одном из переводов Академии (переводам ни Бартеlemi, ни Тацита, ни Овидия вообще не было предпослано предисловия), а в первом томе «Творений» Пиндара в переводе Голенищева-Кутузова. Здесь он писал: «Если кто здравомыслящими очами обозревал обширное поле словесных наук и проходил повесть постепенного их возраста от самого их начала до наших времен, таковой, конечно, уже убедился, что основание истинной учености положили древние так называемые классические писатели <...> Мы не можем еще похвастаться, чтобы у нас хотя один полный и исправный существовал перевод какого-либо классического автора, хотя нам более, нежели другим народам, сие нужно, потому что в воспитание нашего юношества весьма у редких входят языки латинский и греческий, могущие доставить возможность в подлиннике читать сих авторов, без познания коих не может человек назваться основательно ученым и получить вкус. <...> Размышление о положении нашей словесности, не имеющей еще ни одного перевода полного классического автора, и благородный подвиг Императорской Российской Академии, предпринявшей обогатить наше слово переводами сих авторов, раздав оных для перевода каждому из ея сочленов, возбудили во мне желание сему достохвальному труду, по мере сил моих, содействовать»⁵⁷. Предисловие это в полной мере можно называть программным, и очень важно, что появилось оно не в мертворожденном коллективном переводе «Анахарсиса», а именно в этом, продуманном и чрезвычайно важным для автора переводе.

---

⁵⁶ 41 перевод (13 – греческих авторов и 28 – римских) из 175, в значительной степени они выполнены самим Голенищевым-Кутузовым; это больше, чем в любом другом журнале: так, в «Новостях русской литературы» было помещено 22 перевода (6 и 16 соответственно); в «Лицее» – 18 (11 и 7); в «Вестнике Европы» – 16 (5 и 11); в «Иппокрене» – 13 (3 и 10); в «Цветнике» и «Московском зрителе» – по 11 (4 и 7; 8 и 3) и т. д. Подсчеты проведены по изданию: Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв. Библиогр. указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998.

⁵⁷ Творения Пиндара, переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым, с разными примечаниями и объяснениями на лирическое стихотворство, на баснословие, на историю греков, их игры, празднества и проч. М., 1804. Часть первая, содержащая Оды олимпийския. С. IX–XI.

Представленный в настоящей статье материал позволяет увидеть важную особенность развития Российской академии в первые годы XIX века. А. А. Нартов создавал своими программными заявлениями, более помпезными, чем исходящими из осознанной необходимости, форму, соглашаясь с которой и наполняя ее впоследствии содержанием, к академии потянулись такие люди, как Д. И. Хвостов, П. И. Голенищев-Кутузов, А. С. Шишков, а вслед за ними и другие, кто составит впоследствии костяк и самой Академии, и «Беседы любителей русского слова».

